

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В СБОРНИКЕ Н. КОЛЯДЫ «ПЬЕСЫ ДЛЯ ЛЮБИМОГО ТЕАТРА»

Сайфутдинова Р.Р.

*ФГБОУ ВО Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова,
432063, г. Ульяновск, площадь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, д.4*

e-mail: rimus03@mail.ru

поступила в редакцию 11 июня 2017 года

Аннотация

В статье рассматриваются трудности, возникающие при отличии: языковой игры от нарушения речевых норм, остроловия от балагурства и др. Для анализа взят сборник «Пьесы для любимого театра» современного автора – Н. Коляды, герои которого постоянно шутят, подвергая слова различным изменениям.

Ключевые слова: языковая игра, языковая норма, языковая шутка, Н. Коляда, В.З. Санников, Е.А. Земская.

Введение. Герои Н. Коляды не всегда намеренно, в комических целях, нарушают языковые нормы, а если и делают это, то не всегда получают в ответ ожидаемую реакцию. Также они не всегда уместно образуют окказионализмы, каламбуры, которые, согласно классификации Е.А. Земской, относятся к остроловию. В данных случаях речь идет об отличиях между языковой игрой и ошибкой, остроловием и балагурством.

Основная часть. В.З. Санников писал: «Языковая игра – это некоторая языковая неправильность (или необычность) и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая» [1]. Действительно, если посмотреть на способы языковой игры, то можно сделать вывод, что они являются различными вариантами нарушения языковых норм, но, как видно из определения В.З. Санникова, осмысленными. Сравним два примера, один из которых являет собой отступление от литературной нормы, а другой – языковую игру.

Герои драмы «Полонез Огинского» вспоминают о проданном хозяйском имуществе. Иван говорит: «А, правда, где всё? Столько было **мебелей**, кроватей, диванов, ковров!» [2]. Помимо того, что герой допускает стилистическую ошибку (речевую избыточность), он произносит собирательное существительное во множественном числе. Его собеседница говорит в ответ следующее: «**Мебелей**, кроватей, **коврей**, **диваней**... Ноет» [2]. Повторяя и искажая сказанные Иваном слова, героиня намеренно допускает «морфологические ошибки» [1], которые, согласно классификации В.З. Санникова, являются «формальными способами выражения морфологических значений» [1].

Перед сознательным допущением ошибки говорящий вспоминает, как выглядит правильное словоупотребление. С опорой на него он и занимается языковой игрой. Действительно, «Гот, кто плохо владеет языком, плохо играет в словесные игры» [1]. Например, герой пьесы «Нюня» адресует собеседнику шуточную издевку: «**застуженный** артист погорелого театра» [2]. Нет сомнений в том, что он образует каламбур, изменяя изначальный, правильный, вариант слова.

Итак, языковую игру следует отличать от неосознанного ошибочного словоупотребления. Нельзя считать им также те правильные примеры употребления языковых единиц, которые на первый взгляд его напоминают. Например, героиня драмы «"...Нелюдимо наше море..."», или Корабль дураков» постоянно произносит [хв] вместо [ф] (**Хвая**), долгий звук [ш] вместо обозначаемого буквой «щ» звука (**ишшо**). Перед нами не средства «приема речевой маски»,

согласно классификации Е.А. Земской, [3], а фонетические черты местного говора в речи героини.

От языковой игры нужно отличать и немотивированное использование иноязычной лексики. В пособии «Русская разговорная речь. Общие вопросы, словообразование, синтаксис» Е.А. Земская писала об иноязычных словах в речи как о стилистически ярко выраженных, которые могут применяться для создания шуток и иронии. Однако не всегда говорящий использует варваризмы только в языковой игре. Например, героиня драмы «Американка» говорит: «**Донт уори**, не волнуйтесь, не обращайтесь внимания, но я должна навести марафет на свою афишу» [2]. Во фразе есть иноязычные слова («do not worry») и их русский перевод, которые вместе порождают тавтологию. Также есть еще несколько случаев немотивированного употребления героями варваризмов: «Это дешево, **китч**, но красиво» [2], «**Аллес**. Приехали, что ли, да?» [2]. Один из случаев действительного обыгрывания иноязычных слов в пьесах Н. Коляды следующий: «Я мухой. Момент. Туда и сюда. **Ноу проблем**. Ноу!» [2]. Герой иронизирует над собеседницей, приехавшей из Америки.

А стоит ли считать языковой игрой примеры хоть и ненамеренного, но необычного, словоупотребления? Например, герой драмы «Нюня» говорит о бессмысленности покупки кота, которого он даже не видел: «Я повторяю вам в пять тысяч семьдесят четвертый раз: я не могу **брать кота**, так сказать, **в мешке**» [2]. Он необычно совмещает в реплике прямое и переносное значения. Герой понимает, что несколько обыгрывает фразеологизм, поэтому использует вводное слово «так сказать». Другой герой Н. Коляды, из пьесы «"Чайка спела..." (Безнадега)», смешивает бытовую и книжную лексику, находясь в нетрезвом состоянии: «Я – на **паритетных** началах, ясно? Нет! Вы не **педалируйте!** В данном, естественно, случае. Потому что – неадекватно! Да, да, неадекватно!» [2]. Приведенные примеры не считаются языковой игрой, поскольку герои в момент речи вовсе не были на нее настроены.

Языковая игра носит осознанный характер, однако Б.Ю. Норман отметил следующее: «<...> языковая игра, как мы могли убедиться, характеризуется разной степенью осознанности. В частности, здесь имеет место и рефлексорная деятельность: бывает, что человек механически передразнивает собеседника, "дурачится", балуется с языковыми единицами, переставляя или наращивая какие-то элементы, и т.д.» [4]. Например, герои Н. Коляды «балуется языковыми единицами», а именно переставляют слова: «**Съешь чаю, выпей пирожное**» [2], «<...> **налей каши, насыпь супу...**» [2]. Также они рефлексорно отвечают собеседникам словотворчеством: «А?» – «Бьешь шестеркою **туза**» [2], «Кто **там?**» – «Сто **грамм!** Можно войти?» [2].

Интересным является и вопрос о том, стоит ли считать языковой игрой обыгрывание грубой лексики? Об этом М. Кронгауз – автор книги «Русский язык на грани нервного срыва» – писал следующее: «Я, в принципе, не против языковой свободы, она способствует творчеству и делает речь более выразительной. Мне нравится языковой хаос (который вообще-то является ее обратной стороной), когда уже не понимаешь, игра это или безграмотность, выразительность или грубость» [5]. Приведем пример из драмы «Канотье»: «Сядем, погорюем, потоскуем. Две подружки – **по-то-скушки**» [2]. На первый взгляд, он кажется неостроумным, но на самом деле являет собой результат необычного этимологического толкования слова, вовсе не представляющий собой в тексте грубость.

Выше приведены примеры «баловства» словами. Но помимо него языковая игра может принимать форму остроумного обыгрывания языковых единиц. Например, Динка – героиня драмы «"...Нелюдимо наше море..."», или Корабль дураков» – смеется над любопытством соседки и приводит в ответ следующую строчку из песни: «**Каждый человек нам интересен, каждый человек нам дорог**» [2].

Таким образом, языковая игра проявляется в виде балагурства и острология, о которых подробно писала Е.А. Земская и подчеркивала, что их иногда нелегко отличить друг друга. «Граница между балагурством и острология не всегда выявляется достаточно резко. Некоторые приемы языковой игры составляют как бы промежуточную полосу, т.е. могут

использоваться и без всякой содержательной нагрузки, и как средство, связанное с содержанием речи» [3].

Герои Н. Коляды не всегда удачно обыгрывают цитаты, которые, согласно классификации Е.А. Земской, относятся к приему остроловия. Так, Вовка – герой драмы «"...Нелюдимо наше море..."», или Корабль дураков» – шутит над сыном соседей: «Ну, Вассисуалий, соплей-то у тебя столько! Прямо как в песне: **"След кровавый стелется по сырой земле!"**» [2]. Такое скрытое сравнение через цитату из военной песни не кажется остроумным из-за несовместимости сближаемых героем объектов создаваемой в итоге шутки.

Многие цитаты герои ассоциативно используют в речи применительно к той или иной ситуации. В таком случае иногда сложно однозначно определить, что пред нами – остроловие или балагурство. Например, героиня драмы «Мурлин Мурло», познакомившись с квартирантом своей сестры, говорит ему: **«Алексей, Алешенька, с-с-сынок! С-с-словно с-сын ее слышать мог»** [2]. Узнав имя собеседника, она ассоциативно воспроизводит строчку из «Баллады о матери» Андрея Дементьева. С одной стороны, героиня вкладывает в воспроизводимую цитату часть своего скрытого отношения к собеседнику, с другой – применяет ее с некоторой долей юмора.

Выше приведены также примеры языковой игры, которые несут комический эффект. Но есть исключения: **«"По-русски эта птица «кукушка» – "Кукушка, петрушка, ватрушка. Раздражает"»** [2], **«Что ты понимаешь во мне, в моей светочувствительности?»** [2]. В первом случае героиня нервничает и использует рифмовку, чтобы выразить недовольство. Во втором она говорит о себе как о чувствительном человеке, заменяя прямое значение характеризующего ее слова переносным. Субъект речи в обоих примерах вовсе не шутит.

Языковую игру, которая обладает комическим эффектом, В.З. Санников называл языковой шуткой. Согласно ему она еще характеризуется «смысловой и грамматической законченностью» [1], поэтому ее без труда можно увидеть в тексте. Например, нет сомнений в том, что перед нами следующие языковые шутки, основанные на словотворчестве: **«Это которые Джон Ленин, Ринга Сталин, Поль Макаренко и Джордж Хрущев, что ли?»** [2] (каламбур, основанный на паронимии), **«Подъем, первая рота...»** [2] (генерализация; жена говорит пьяному мужу-сержанту), **«Она нагло издевалась, товарищи над его старинным русским недугом»** [2] (перифраз; речь идет об алкоголизме).

Однако В.З. Санников отметил при анализе творчества обэриутов, В. Хлебникова и А. Платонова, что **«...мы не гарантированы от использования текстов, авторы которых, возможно, не имели целью создание комического эффекта»**. [1]. Приведем примеры. Героиня драмы «Мурлин Мурло» обращается к сестре, смешивая противоположные оценочные слова: **«Это сестренка моя, любименькая, родненькая... Чего ты накружилась как фуфло какое?»** [2]. Герой пьесы **«"Чайка спела..." (Безнадега)»** цитирует слова старика из «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина во время неприятного ему разговора: **«Да Бог с тобою, золотая рыбка! Ну что ты к нашей породе привязалась?»** [2]. Действительно, нелегко понять, шутят ли герои драматурга в таких, нередко комичных для читателя, ситуациях.

Стремясь к произведению комического эффекта при помощи словотворчества, герои Н. Коляды не всегда вызывают у собеседников ожидаемую реакцию. Например, герой драмы «Нюня» сравнивает своего гостя с древнеримским полководцем, но тот реагирует на шутку вполне серьезно, понимая услышанные слова в прямом значении: **«"Смотрите две программы сразу, как Цезарь" – "У Цезаря не было двух телевизоров. У него вообще не было телевизора"»** [2]. В данном случае она не удалась ввиду ее непонимания одним из говорящих.

Заключение. Итак, языковая игра проявляется в разных формах: сознательное – рефлексорное нарушение языковой нормы; остроловие – балагурство. Также не всегда она содержит комизм.

Список литературы

- 1) Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: «Языки русской культуры». 1999. 544 с.

- 2) Интернет ресурс: Коляда Н. Пьесы для любимого театра. <http://kolyada.ur.ru>. (Дата обращения: 20.09.16).
- 3) Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы, словообразование, синтаксис. М.: Наука. 1981. 276 с.
- 4) Норманн Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта: Наука. 2006. 344 с.
- 5) Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: «Языки славянской культуры». 2008. 320 с.